



УДК 316.346.32

**ОСУЖДЕННЫЕ – БЫВШИЕ
РАБОТНИКИ СУДОВ
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
КАК ОСОБАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА****ГАЙДАЙ Мария Константиновна***доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия. E-mail: mkgfip@mail.ru***CONVICTS - FORMER COURT AND
LAW ENFORCEMENT OFFICIALS
AS A SPECIAL SOCIAL GROUP****GAIDAI Maria Konstantinovna***Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia. E-mail: mkgfip@mail.ru*

Глобальные изменения в современном обществе, обусловленные укреплением позиций правового государства, сделали актуальными исследования в области пенитенциарной социологии. Исследование личностных характеристик различных категорий осужденных, специфики их взаимоотношений, быта, особенности адаптации к новым реалиям пенитенциария, отклоняющееся поведение осужденных и другие аспекты является важным и практически ориентированным направлением в рамках гуманизации и либерализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства. Пенитенциарное поведение, особенности социального облика и другие вопросы пенитенциарной социологии, имеющие отношение к такой категории осужденных, как бывшие работники судов и правоохранительных органов, крайне редко рассматриваются в преломлении к данной социальной группе. Актуализация проблем, связанных с данной социальной группой, инициирует направления поиска исправительно-воспитательных мер воздействия на осужденных, а также специальную подготовку сотрудников исправительных учреждений.

Ключевые слова: осужденные, социальная группа, общественная группа, бывшие сотрудники правоохранительных органов.

Global changes in modern society, which took place due to the strengthening of the rule-of-law state, have brought up to date researches in the field of penitentiary sociology. The study of personal characteristics of different categories of convicts, the specifics of their relationships, everyday life, peculiarities of adaptation to new realities of penitentiary, convicts' deviant behavior and other aspects is indeed an important, necessary and practically oriented direction in the framework of humanization and liberalization of criminal and criminal-executive policies of our state. Penitentiary behavior, social characteristics and other issues of penitentiary sociology relevant to such a category of convicts, as former court and law enforcement officials, are rarely considered to be refractive to this social group. At the same time, the actualization of the problems associated with this social group initiates searches for corrective-educational measures of influence on convicts, as well as special training for the staff of correctional institutions.

Key words: convicts, social group, public group, former law enforcement officials.

Исследования в области пенитенциарной социологии в последнее время ведутся достаточно активно. Изучению подлежат взаимоотношения, быт, особенности адаптации к новым реалиям пенитенциария, отклоняющееся поведение осужденных и другие аспекты. Большое внимание всегда уделялось изучению личности лиц, изолированных от общества по приговору суда. Считается, что исследование личностных характеристик различных категорий осужден-



ных является важным, необходимым и практически ориентированным направлением в рамках гуманизации и либерализации уголовной и уголовно-исполнительной политики нашего государства. Анализ личности осужденных к лишению свободы нередко рассматривается в качестве предпосылки для индивидуализации и повышения эффективности воспитательно-исправительного воздействия во время отбывания наказания в виде лишения свободы.

В то же время наименее изученной остается такая категория осужденных как бывшие работники судов и правоохранительных органов. Пенитенциарное поведение, особенности социального облика и другие вопросы пенитенциарной социологии крайне редко рассматриваются в преломлении к данной социальной группе. В связи с чем, тематика данной статьи видится актуальной и практически ориентированной. Актуализация проблем, связанная с изучением данной социальной группы, инициирует направления поиска исправительно-воспитательных мер воздействия на осужденных, а также специальную подготовку сотрудников соответствующих исправительных учреждений. В основу работы положено исследование, проведенное в исправительной колонии строгого режима, расположенной в Иркутской области, в которой отбывают наказание осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов. Социальная изоляция накладывает на человека серьезный отпечаток. Она изменяет его психическое состояние, образ жизни, влияет на характер взаимоотношений и т.д. «Изоляция от общества и воздействие тюремной субкультуры негативно влияет на психику и личность осужденного, ведет к ослаблению или потере социально полезных связей и осложняет процесс его исправления» [5, с. 48]. Для всех осужденных к лишению свободы характерно постоянное ощущение изоляции от общества, связанное с помещением в исправительное учреждение и с ограничением привычных прав и свобод человека и гражданина. «Реально лишение свободы означает временное исключение личности из макросистемы общества; означает временное исключение человека из нормальных условий воспроизводства общества, из привычной микросреды» [4, с. 76] – отмечают Р.С. Маковик и Н.Р. Бессараб. Все это относится и к рассматриваемой нами особой группе осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов. Кроме того, среди особенностей отличающих осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов как особую социальную группу можно назвать факт т.н. двойной изоляции. Замкнутость пространства, строгая регламентация жизни, тотальная дисциплина относятся к числу характеристик любых лиц, изолированных от общества. Однако данная категория осужденных с одной стороны изолированы от общества, а с другой от иных осужденных. Данное обстоятельство отражено в законе, в частности в ч. 3 ст. 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации отмечается возможность содержания осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов в отдельных исправительных учреждениях.

С фактом изоляции меняется непосредственное социальное окружение: человек лишается возможности выбирать контрагентов для общения (их распределением по отрядам занимается администрация учреждения), вынужден постоянно находиться в среде девиантов, преступников, коим по закону является и сам. Специалисты отмечают, что в условиях изоляции происходит «деформация общения осужденных» [9, с. 60-62], обусловленная наличием криминальной субкультуры. Действительно, общение осужденных в условиях пенитенциария нередко сложно назвать недеформированным, нормальным, соответствующим сущности человеческого взаимодействия. Изменения, происходящие в личности осужденных, меняют и систему их социальных связей и отношений в микросреде пенитенциария. И происходящие сдвиги связаны с существующей там субкультурой. Лица, изолированные от общества и содержащиеся в исправительных учреждениях всегда на виду, у них отсутствует личное пространство, т.н. «закулисье». Постоянный и ограниченный круг общения способствует выработке неформальных связей и отношений, которые ложатся в основу их жизни. Исследование показало, что, несмотря на особенности спецконтингента, даже в учреждениях, где отбывает наказание рассматриваемая категория осужденных, существуют неформальные нормы и правила поведения. Более 70% опрошенных признали существование в исправительном учреждении криминальной суб-



культуры. При этом 21,6% указали, что проявления субкультуры имеют свою специфику, а 28,4% отметили существование лишь отдельных ее элементов, ссылаясь также на особенности лиц, отбывающих уголовное наказание. 24% респондентов просто заявили о ее существовании (как и в любом другом исправительном учреждении). А 26% считают, что пенитенциарной субкультуры в их учреждении не существует (Диаграмма 1).



Диаграмма 1

В то же время, говоря о причинах появления и распространения пенитенциарной субкультуры среди осужденных (диаграмма 2), практически половина опрошенных (50,8%) считают, что сама жизнь в исправительном учреждении диктует определенные правила поведения, которые в дальнейшем становятся элементами субкультуры. 17,3% уверены, что поддержанием и распространением тюремно-лагерной субкультуры занимаются те, кто отбывает наказание повторно. 15,7% видят причину ее распространения в лице тех, кто осужден к длительным срокам лишения свободы. Остальные респонденты отметили, что никогда об этом не задумывались и не знают причин распространения и живучести данного пенитенциарного феномена. Специалисты-исследователи в области криминальной субкультуры отмечают, что в условиях изоляции всегда существовали субкультурные проявления особого рода. «Концентрация криминальной субкультуры в местах лишения свободы не удивительна в силу социальной изоляции, принудительно помещенных туда однополых людей, каждый из которых представляет собой значительную общественную опасность. Тюрьма, острог и каторга традиционно всегда были местом, где процветала особая субкультура» [1, с. 73].



Диаграмма 2



Также стоит отметить, что по признанию осужденных из числа бывших работников судов и правоохранительных органов подавляющее большинство из них (91,9%) знают понятия и традиции, существующие в пенитенциарии. Конечно, причины и отношение к ним они выразили различное. 29,2% знают традиции и обычаи, но считают, что необходимости следовать им нет. 27% опрошенных признались, что знание неформальных норм и традиций уголовного мира связано с их предыдущей профессиональной деятельностью: «Знаю, так как когда-то работал с преступниками». 12,4% осужденных из числа изучаемой нами социальной группы, знают лишь те нормы и правила неформальной субкультуры, которые действуют в рамках исправительного учреждения, углубленно они в них не вникали, и знать не хотят. 11,9% не только знают их, но и считают, что они необходимы для регулирования отношений между осужденными. Полагая, что такие знания им необходимы, так как они находятся в местах лишения свободы. Немногим меньше, 11,4% признались, что знают неформальные нормы и традиции, но свое отношение к ним выразили негативно: «Знаю, но считаю, что не все их можно и нужно придерживаться, так как большинство из них усложняют жизнь в исправительном учреждении». И это действительно так. Даже наличие неофициальных норм уже создает коллизию между ними и правовыми нормами, что, само по себе, является девиантным и негативно отражается на жизни осужденных. Из всех проанкетированных осужденных лишь 8,1% указали, что не знают криминальных норм и правил поведения. Из них 0,5% приходится на тех, кто только что попал в пенитенциарное учреждение и признались, что пока еще не знакомы с такими проявлениями субкультуры, но указали, что их придется освоить, чтобы успешно адаптироваться к условиям отбывания наказания и жизни в пенитенциарии.



Диаграмма 3

Одним из проявлений пенитенциарной субкультуры является, существующее в условиях изоляции неформальное иерархическое деление осужденных. Сам факт наличия неофициальной дифференциации уже является проявлением пенитенциарной девиантности. Несомненно, что в большей степени такое неформальное построение осужденных присуще исправительным учреждениям, в которых отбывают наказание адепты криминальной субкультуры. Попадая в места лишения свободы, каждый осужденный причисляется к одной из категорий, страт, «мастей». Однако анкетирование респондентов из числа бывших работников судов и правоохранительных органов показало, что и в специальном исправительном учреждении, такое деление существует (диаграмма 4). Как иллюстрирует диаграмма, более 60% опрошенных признают существование в их учреждении неофициального деления осужденных. Естественно такое деление негативно отражается на жизнедеятельности осужденных. Подобная градация заключенных характеризуется своей определённой жесткостью. То, что тюрем-



ное сообщество характеризуется глубоко иерархической структурой неформальных категорий, их опорой на персонифицированные отношения, жестким и бескомпромиссным характером норм, регулирующих взаимодействия между представителями различных «каст» является достаточно известным. Однако наличие подобного деления в исправительном учреждении, где отбывают наказание бывшие работники судов и правоохранительных органов, является удивительным и требует изучения, с целью минимизации, т.к. данная категория осужденных остается менее изученной.



Диаграмма 4

Наличие криминальной субкультуры, ее знание, а также существование такого ее проявления как неформальное кастовое деление осужденных в среде исследуемой нами категории осужденных говорит о том, что сложившаяся в пенитенциарии социальная микросреда способна воздействовать на личность, поведение и поступки осужденных.

Изменение прежнего социального статуса для изучаемой группы осужденных связано с его резким понижением. Прежние социальные связи распадаются не только в связи с изоляцией человека, но и в связи с клеймом «зека», которое сохраняется и после отбытия срока лишения свободы. Социальное клеймение нередко ведет к социальной исключенности после освобождения из мест лишения свободы. Данное обстоятельство является наиболее серьезным препятствием в адаптации к новым условиям жизнедеятельности для осужденных из числа бывших сотрудников правоохранительных органов. Как и иные осужденные, бывшие сотрудники правоохранительных органов при попадании в исправительные учреждения испытывают сильнейший психологический стресс. Л.Ю. Перемолотова указывает, что преступление накладывает отпечаток на психику осужденного, который пережил процедуру судопроизводства, а в местах лишения свободы стал испытывать негативное влияние со стороны других осужденных. Под таким воздействием у людей меняются нравственные установки, отношение к окружающему миру, к самому себе, нарушаются былые социальные связи, в том числе семейные и профессиональные контакты, которые носили положительный оттенок. Более того, за годы пребывания в исправительных учреждениях у осужденных могут развиваться психические аномалии и жизненные катастрофы, обусловленные изоляцией от общества [8, с. 78]. Но в отношении изучаемой нами категории осужденных психологическая составляющая носит несколько иной характер, имеет особенности. Стресс, спустя некоторое время, так или иначе, проходит. А представителей данной категории осужденных с самого начала их пребывания в местах лишения свободы преследует сложное психоэмоциональное состояние, которое можно назвать «психологический диссонанс». Сотрудники правоохранительных органов по выполняемым ими функциям стоят на страже закона, призваны защищать права и интересы других лиц. К выполнению подобных функциональных обязанностей их учили и готовили, они отдали подобной деятельности какую-то часть своей жизни. Совершив пре-



ступление, нарушив закон, такой сотрудник переходит на другую сторону, становится противником своих бывших коллег, по сути дела предателем. Это вызывает значительный психологический диссонанс. Начинается анализ того, что он потерял в результате своего противоправного поведения (благополучную жизнь – свою и близких, карьеру, почет, понимание окружающих, безбедное будущее и т.д.) и что приобрел (годы (существование) «за решеткой», позор на себя и близких, материальные, моральные, психические проблемы и т.п.). Здесь же, в какой-то степени влияют морально-этические (хотя и несколько эфемерные, в современных реалиях) понятия как совесть (муки совести) и стыд.

Конечно, сколько людей, столько и судеб. Одни люди легко ранимы, эмоциональны. Другие же их противоположность – психологически устойчивы и крепки. Но эффект «психологического диссонанса», в той или иной степени влияет на всех бывших сотрудников правоохранительных органов осуждённых к лишению свободы. Попадая в закрытое социальное пространство пенитенциарного типа, человеку приходится адаптироваться к новым для него условиям жизни. Исследователи отмечают: «Человек, поступающий в исправительное учреждение в первый раз, переживает второе рождение, сталкиваясь с проблемами адаптации к новым условиям. Ему надо осваивать новые роли, нормы и ценности, реализовывать свои интересы в изменившемся контексте. Формируется иное пространство повседневной жизни, в котором востребованы иные человеческие качества и способности, манифестируются притязания иных ценностей на значимость» [2, с. 98].

Представителей данной социальной группы осужденных характеризуют следующие признаки. Говоря о гендере отметим, что анкетирование проводилось в мужском исправительном учреждении. Кроме того, в связи с тем, что до осуждения представители изучаемой социальной группы осужденных в профессиональном плане были работниками судов, Федеральной службы безопасности России, прокуратуры России, Федеральной службы исполнения наказаний России, Министерства внутренних дел России и других государственных органов, при наборе на работу в которые приоритет остается за мужчинами, то среди них большинство мужчин. О возрасте рассматриваемой нами социальной группы осужденных можно сказать следующее (диаграмма 5).



Диаграмма 5

Среди представителей данной группы осужденных наиболее многочисленными являются осужденные не только трудоспособного возраста, но и зрелого возраста. Так, на возрастной диапазон 41-50 лет приходится 28,4% опрошенных нами осужденных. Лиц в возрасте 31-35 лет среди рассматриваемой категории 24,8%. Еще меньший процент 20,8% приходится на 36-40 лет. Лица более молодого возраста среди осужденных из числа бывших сотрудников правоохранительных органов встречаются реже: на 26-30 лет приходится 14,0%, а тех, кто



моложе 25 лет, а именно от 18 до 25 лет – 4,4%. Кроме того, невелико среди представителей данной социальной группы осужденных лиц 50 лет и старше – 7,6%, что, скорее всего, также обуславливается их бывшей профессиональной деятельностью.

Среди характеристик осужденных стоит обратить внимание на уровень их образования. От образованности человека зависят его ценностные ориентации, поведение, интересы и увлечения, а также круг и манеры общения. В юридической литературе образование рассматривается как антикриминогенный фактор. Образование влияет на социальные взгляды и личностные привычки, носителем которых является каждая личность. Отметим, что среди иных категорий осужденных уровень образования исследователями отмечается как достаточно низкий. Более того, во время последней специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей 2009 г. появилась категория осужденных, вообще не имеющих образования [6, с. 10]. Наше же исследование показало, что среди осужденных из числа бывших работников судов и правоохранительных органов образование есть у всех опрошенных (диаграмма 6).



Диаграмма 6

Так, 30,8% осужденных имели высшее образование, 20,4% – незаконченное высшее, у 30,4% было среднее специальное образование и лишь у 18,4% общее среднее. Лиц, не имеющих образования, выявлено нами не было. В практическом плане, для организации и проведения воспитательных и иных исправительно-трудовых мероприятий интерес представляют данные о том, какое именно образование было (или какое образование они получали) до осуждения. В ходе анкетирования, респонденты – 41,7% отметили, что обладали юридическим образованием, что соответствует их роду деятельности (профессии) до осуждения. Экономическими знаниями владели 21,3% осужденных и столько же – 21,3% обладали дипломами (или обучались) педагога. Техническое образование до осуждения было у 11,8% респондентов, и остальные – 3,9% указали на наличие психологического или медицинского образования. Еще раз отметим, что по уровню образования данная социальная группа осужденных принципиально отличается от иных категорий лиц, изолированных от общества. Данную особенность исследуемой социальной группы следует учитывать в деятельности по работе с осужденными данной категории. С учетом уровня образования возможна организация максимально эффективной индивидуальной работы с осужденными. Как указывают С.А. Кутякин и Г.В. Курбатова: «... формирование негативного отношения осужденного к совершенному им преступлению, выработка позитивных волевых и высоких нравственных качеств, определенное развитие интеллектуальных навыков способствуют выработке у осужденного модели правопослушного поведения даже в складывающейся криминальной ситуации» [3, с. 71].

К характеристикам, отличающим осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов от иных осужденных, следует так же отнести наличие семьи на момент совершения преступления (диаграмма 7). В литературе наличие семьи нередко рассматривается в качестве антикриминогенного фактора, однако, данное обстоятельство неприменимо к изучаемой нами категории осужденных. Являясь одним из институтов общества, а



также малой социальной группой семья непосредственно влияет на поведение, поступки, да и вообще жизнь любого человека. Именно из семьи человек принимает первые нормы и эталоны поведения. В семью же он обращается за психологической защитой или эмоциональной поддержкой. Велика роль семьи в формировании личности, социализации человека. Будучи первичной фазой социализации, семья влияет и на профессиональную сферу человека, на его отношение к профессии. Воспитательный потенциал семьи глобален. Семья оказывает влияние на формирование мировоззрения и потребностей человека, его социальных ориентаций, даже на конфликты и их причины. Исследователи в области социологии семьи отмечают: «это один из фундаментальных институтов общества, придающий ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении. В то же время она выступает малой социальной группой, в которой протекают основные процессы человеческой жизни и которая настолько связана с жизнью каждого индивида, что накладывает отпечаток на все его развитие. Семья – это социальная группа, которую человек легче всего идентифицирует с собой, своими интересами, своим существованием» [7, с. 3].



Диаграмма 7

Приоритетное большинство – 76,8% респондентов из числа бывших работников судов и правоохранительных органов, до осуждения имели семьи. При этом 44,8% опрошенных состояли в официально зарегистрированных отношениях и только 32% жили семьей без оформления отношений в органах ЗАГС. 10,8% отметили, что на момент совершения преступления находились в разводе. Вдовцами были 1,2%. А все остальные – 11,2% – холостые. Более того, в семьях 77,2% осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов были дети (22,8% детей не имели). По данным специальной переписи осужденных 2009 г. среди всех осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, подавляющее большинство, а именно 77,1% не имели семьи [2, с. 9]. Таким образом, еще одной особенностью данной социальной группы осужденных, отличающих ее от иных осужденных, является наличие семьи.

Подводя итог, отметим, что осужденные, содержащиеся в специальных исправительных учреждениях для бывших работников судов и правоохранительных органов, могут рассматриваться как особая социальная группа, отличная от иных категорий лиц, изолированных от общества по приговору суда. Данная группа характеризуется трудоспособным, но в тоже время и зрелым возрастом; связанным с предыдущим родом деятельности специфическим восприятием действительности, которое усугубляется замкнутостью пространства, где проходит их жизнедеятельность, наличием строгой регламентации и дисциплины; наличием хорошего образования, семьи и детей до осуждения; резким изменением, в сторону кардинального понижения своего прежнего социального статуса; приобретением социальных ролей и функций, выполнять которые они обязаны не только в связи с наличием законодательных обязанностей и запретов, но и в связи с существованием в их среде неформальных норм и



требований, идущих вразрез и противоречащих официальным. От изученности характеристик данной социальной группы осужденных зависит ряд практических составляющих механизма реализации исполнения наказания в виде лишения свободы. К их числу относится распределение осужденных по отрядам, организация образовательной деятельности и профессиональной подготовки осужденных, реализация воспитательно-исправительных функций пенитенциарного учреждения, а также в целом функционирование исправительного учреждения.

Библиографические ссылки

1. Антонян М.Ю., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. 1996. № 10. С. 72-79.
2. Елютина М.Е., Темаев Т.В. Поведенческие особенности пожилых осужденных // Социологические исследования. 2015. №4. С. 95-104.
3. Кутякин С.А., Курбатова Г.В. Комплексный подход к пониманию индивидуальной работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. 2016. С. 69-73.
4. Маковик Р.С., Бессараб Н.Р. Изоляция личности в российском праве и законодательстве. М. : Издательство «Экзамен», 2007.
5. Михайлов А.Н. Социально-психологические проблемы лиц, освобождающихся из мест лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2016. №4. С. 47-51.
6. Лысягин О.Б., Акимов С.К. Осужденные в тюрьмах. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12-18 ноября 2009 г. / под ред. д.ю.н., проф. В.И. Селеверстова. Вып. 3. М. : ИД «Юриспруденция», 2011.
7. Осинский И.И., Гылыкова Э.В. Бурятская городская семья на рубеже XX-XXI веков. Социологический анализ. Улан-Удэ : Издательство бурятского госуниверситета, 2003.
8. Перемолотова Л.Ю. Значение особенностей личности осужденного при осуществлении профилактического воздействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №3 (33). С. 76-81.
9. Сухов А.Н. Пути преодоления деформации общения осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2 (61). С. 60-62.

References

1. Antonyan M.Yu., Vereshchagin V.A., Kalmanov G.B. Tyuremnaya subkul'tura i neitralizatsiya ee negativnykh proyavlenii (Prison subculture and neutralization of its negative manifestations), *Gosudarstvo i pravo*, 1996, No. 10, pp. 72-79.
2. Elyutina M.E., Temaev T.V. Povedencheskie osobennosti pozhilykh osuzhdennykh (Behavioral features of elderly convicts), *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, No. 4, pp. 95-104.
3. Kutyakin S.A., Kurbatova G.V. Kompleksnyi podkhod k ponimaniyu individual'noi raboty s osuzhdennymi (Comprehensive approach to understanding individual work with convicts), *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2016, pp. 69-73.
4. Makovik R.S., Bessarab N.R. Izolyatsiya lichnosti v rossiiskom prave i zakonodatel'stve (Isolation of personality in Russian law and legislation). M., Izdatel'stvo «Ekzamen», 2007.
5. Mikhailov A.N. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy lits, osvobozhdayushchikhsya iz mest lisheniya svobody (Socio-psychological problems of persons released from places of deprivation of liberty), *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2016, No 4, pp. 47-51.
6. Lysyagin O.B., Akimov S.K. Osuzhdennye v tyur'makh. Po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhei, 12-18 noyabrya 2009 g. (Convicted in prisons. Based on the materials of the special convicts and detained persons census, November 12-18, 2009), pod red. d.yu.n., prof. V.I. Seleverstova. Vyp. 3. M., ID «Yurisprudentsiya», 2011.
7. Osinskii I.I., Gylykova E.V. Buryatskaya gorodskaya sem'ya na rubezhe XX-XXI vekov. Sotsiologicheskii analiz (Buryat city family at the turn of the twentieth and twenty-first centuries. Sociological analysis). Ulan-Ude, Izdatel'stvo buryatskogo gosuniversiteta, 2003.
8. Peremolotova L.Yu. Znachenie osobennostei lichnosti osuzhdennogo pri osushchestvlenii profilakticheskogo vozddeistviya (Significance of personal characteristics of the convict in the implemen-



tation of preventive effects), *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2015, No. 3 (33), pp. 76-81.

9. Sukhov A.N. Puti preodoleniya deformatsii obshcheniya osuzhdennykh (Ways to overcome the deformation of convicts' communication), *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2015, No. 2 (61), pp. 60-62.

Дата поступления: 15.02.2018

Received: 15.02.2018

УДК 343.9

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И ТИПИЧНЫЕ
СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА
РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО
УСЫНОВЛЕНИЯ**

**SPECIFICITIES OF INSTITUTING
CRIMINAL PROCEEDINGS AND
TYPICAL INVESTIGATIVE
SITUATIONS AT THE INITIAL STAGE
OF INVESTIGATING ILLEGAL
ADOPTION**

АБРАМОВА Светлана Рамильевна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики ФГБОУ ВО «Саратов-
ская государственная юридическая акаде-
мия», г. Саратов, Россия.*

E-mail: Abramovasr@yandex.ru

ABRAMOVA Svetlana Ramilievna

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Profes-
sor of the Department of Forensics at the Sara-
tov State Law Academy, Saratov, Russia.*

Email: Abramovasr@yandex.ru

Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, является одним из приоритетных направлений деятельности государства. Уголовно-правовая охрана, защита законных прав и интересов несовершеннолетних при усыновлении должна обеспечиваться нормой, предусмотренной ст. 154 УК РФ. Однако на практике большая часть незаконных действий по усыновлению остается не выявленной, либо правоохранительные органы не имеют возможности привлечь к уголовной ответственности за указанные преступления. Есть ряд причин, по которым преступления, предусмотренные ст. 154 УК РФ, являются латентными, свои особенности выявления признаков преступления и возбуждения уголовных дел о незаконном усыновлении. Необходимо усилить внимание содержанию типовых следственных ситуаций первоначального этапа расследования незаконного усыновления, задачам расследования и алгоритмам их решения.

Arrangement of children left without parental care is one of the priority areas of state activities. Criminal law protection, safeguarding minors' legitimate rights and interests when adopting should be secured by the rule of law provided for by Article 154 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, in practice a large proportion of the illegal actions relating to adoption remain undetected, or law enforcement agencies are unable to prosecute those responsible for these crimes. The paper contains an analysis of the reasons why the crimes provided for by Article 154 of the Criminal Code are latent; the specificities of identifying the indicia of a crime and peculiarities of instituting criminal proceedings for illegal adoption are examined. Particular attention is paid to the contents of typical investigative situations at the initial stage of the investigation of illegal adoption, the objectives of investigation are defined and algorithms for their solution are proposed.